

Шокотерапия против градуализма: десять лет спустя

Сильное государство и дееспособные институты - залог успеха перехода от плана к рынку

Владимир Попов (профессор Школы международного бизнеса Академии народного хозяйства при правительстве РФ, доктор экономических наук)

Эта книга подытоживает опыт десятилетия "великого перехода" от плана к рынку в бывших социалистических странах. Она написана автором, который заслуживает права быть выслушанным не только как серьезный академический исследователь, но и как руководитель экономической политики наиболее успешной европейской переходной экономики в период ее бурного роста - Гжегож Колодко был вице-премьером и министром финансов правительства Польши в 1994-1997 годах. Кажется, что жизнь во многом сняла остроту дискуссии о темпах и последовательности реформ при переходе к рынку. Сейчас считается уже общепризнанным, что без эффективных институтов либерализация не может быть успешной. И шокотерапевты, и градуалисты признают необходимость макроэкономической стабилизации - различия между ними в этом вопросе (какая инфляция, 5-процентная или 15-процентная, является допустимой) теперь уже кажутся незначительными. Острота споров о темпах (скорости) преобразований тоже притупилась: после дерегулирования основной массы цен и достижения минимальной макростабильности остающиеся реформы - структурные и институциональные - по самой своей природе могут быть только постепенными. Сегодня транзитологов в значительной степени разделяет отношение к экономической роли государства. "Правые" настаивают на том, что роль государства все еще слишком велика и должна быть уменьшена. Они обращают внимание на то, что во всех переходных экономиках за исключением Китая доля государственных расходов в ВВП даже и теперь, после значительного падения в 90-е годы, все еще находится на уровне, значительно превышающем средние показатели для стран с рыночной экономикой и со схожим уровнем ВВП на душу населения. В странах Центральной Европы, например, доля госрасходов в ВВП (более 40%) вдвое выше, чем в схожих по уровню развития странах Юго-Восточной Азии. В России этот показатель (более 30%) тоже вдвое выше, чем в наименее развитых странах Латинской Америки, имеющих тот же подушевой ВВП, что и Россия. Отсюда "правые" делают вывод: финансовая мощь государства в переходных экономиках остается непосильным бременем и тормозом успешного восстановления.

Альтернативный подход к проблеме - "левый", и именно этот подход защищает автор книги. К его аргументам полезно прислушаться не только единомышленникам, но и оппонентам, и не в последнюю очередь потому, что левая альтернатива оказалась более успешной, чем шокотерапия, в целом ряде стран - от Польши до Китая и от Венгрии до Узбекистана. Именно левые, посткоммунистические партии в бытность свою у власти в Польше и Венгрии провели реформы, которые не смогли провести либералы, в частности широкомасштабную приватизацию и пенсионную реформу.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е годы - в Эстонии, во Вьетнаме и в

странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси. Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000 году ВВП превысил предкризисный уровень 1989 года. Узбекистан, Беларусь и Эстония (именно в этом порядке) к 2000 году ближе других бывших советских республик подошли к восстановлению предкризисного уровня производства, во Вьетнаме трансформационного спада вообще не было.

Снижение доли госдоходов и расходов в ВВП практически везде сопровождалось повышением удельного веса теневой экономики. Что еще неприятнее, более глубокое падение производства и доли госдоходов в ВВП оказалось сопряженным с более сильным ростом неравенства в распределении доходов. Наоборот, именно в странах с наименьшим падением доли госдоходов в ВВП (Центральная Европа, Эстония, Узбекистан, Беларусь) распределение доходов ухудшилось незначительно (с. 203 англ. вар.). Неравномерное же распределение доходов, как известно, отрицательно сказывается на экономическом росте и потому, что ухудшает инвестиционный климат. Вдобавок социальное неравенство питает макроэкономический популизм - перераспределение доходов от конкурентоспособных секторов к неконкурентоспособным, от успешных предприятий к неудачникам, от богатых к бедным.

В общем, динамика государственных расходов в переходный период оказывается со всех точек зрения более важным фактором успешной трансформации, чем скорость реформ. Сохранение большого государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов - верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет "романа" постсоциалистической трансформации - сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум на 90% это история несостоятельности государства и его институтов, а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации экономики.

Такова, видимо, главная (и для многих - далеко не бесспорная), но далеко не единственная идея книги. Каждый читатель, интересующийся экономикой переходного периода, наверняка найдет в этой обширной работе множество нестандартных суждений, которые вряд ли оставят его равнодушным.

Колодко Г. От шока к терапии: политическая экономия постсоциалистической трансформации. - М.: ЗАО "Журнал Эксперт", 2000. - 389 с.

